34-летний Александр Прасол, танцор балетной труппы Камчатского театра драмы и комедии, 7 марта поступил в отделение терапии второй городской больницы с предварительным диагнозом: «двусторонняя пневмония».
Его привезли в больницу на «скорой» и определили в отделение терапии. Дежурившая в тот день врач-невропатолог назначила поступившему больному сделать рентген – снимок легких. Взять положенные анализы у больного парня не представилось возможным из-за отсутствия лаборантов по причине праздника. Лаборанты праздновали 8 и 9 марта. За это время успела смениться с дежурства невропатолог, а состояние больного резко ухудшилось. У него поднялась высокая температура, и он начал бредить. И подписала ему направление на лечение в наркологический диспансер. В 23 часа, уже плохо осознающего, что происходит, Александра Прасола заставляют одеться и затем отправляют с глаз долой.
Наркологи приняли пациента 2-ой городской больницы, не утруждая себя проверкой. Поверили на слово своим коллегам. И начали лечить Александра от алкогольной интоксикации. Лишь через сутки у него взяли анализ крови и только тогда поняли, что поступивший больной – не их клиент. Даже после этого наркологи не стали переправлять его обратно в больницу. На вопрос: «Почему?» последовал ответ, что нужно было спасать больного, а не выяснять, почему он к ним попал. Становится жутко от таких заявлений. От какой хвори врачи спасали больного в наркологии, если даже не знали, чем он болен?! И самое главное – у них нет специалистов, способных это сделать! С таким же успехом его могли «спасать» и стоматологи. Удивительно, как заведующая терапевтическим отделением госпожа Адамова не отправила своего больного к ним. У них же есть удобные кресла, бормашина, дорогие обезболивающие уколы…
12 марта Александр Прасол умер. Последние несколько часов он находился без сознания. Позже врачи патологоанатомы сделали заключение, что причиной смерти послужила двусторонняя долевая пневмония и сердечно-легочная недостаточность.
Разумеется, наша газета решила выяснить мнения очевидцев, родственников и врачей о том, что произошло. Ниже приводим их комментарии и ответы.
Главный врач городской больницы № 2 Татьяна Рубан. Услышав вопросы журналиста, Татьяна Алексеевна, сославшись на непрофессионализм корреспондентов, отказалась отвечать на вопросы, пригрозив, что больница подаст в суд на редакцию газеты, если материал о смерти больного Прасола появится в печати. Хотя во всей этой печальной истории нас интересовал только один вопрос: что явилось основанием для перевода тяжелобольного Александра Прасола в наркодиспансер?
Заместитель главного врача горбольницы № 2 Тамара Молдовану была более словоохотлива: «Действительно, молодой человек поступил к нам в больницу, но какой был установлен диагноз и какое назначено лечение, сказать не могу, т.к. историю болезни затребовала прокуратура. Почему умер? Вы же понимаете, все три дня были праздничными, и врачи, естественно, отдыхали, а лечение должны были проводить дежурные врачи. Но что и как они делали, и почему Прасол оказался в наркодиспансере, затрудняюсь ответить. (Это решение приняла заведующая отделением госпожа Адамова. – Авт.).
Дозваниваемся до заведующей терапевтическим отделением Н.В. Адамовой. Ссылаясь на ведомственные инструкции, Неля Валентиновна отказалась отвечать на вопросы.
Позвонили мы и в отдел здравоохранения городского округа. Начальник отдела Наталья Морозова, по сообщению ее коллег, оказалась на «больничном». С нами беседовал

главный специалист отдела Владимир Ларин. Ситуацию в городской больнице № 2 он прокомментировать не смог, т.к. не владеет в полном объеме информацией. Зато профессионально рассказал порядок перевода пациента из одной больницы в другую: «Как правило, прежде чем перевести больного, лечащий врач обязан доложить на «пятиминутке» диагноз, назначения, результаты проведенных анализов, общее состояние больного и назвать причину перевода. Главный врач обязан лично проверить медицинскую карту, где расписана вся история болезни пациента и только после того, как убедится, что в данном медучреждении лечение невозможно, принять решение о переводе, согласовав его с другим лечебным учреждением. При этом врач обязан уведомить родственников о переводе, и о его причине. Недопустимо тяжелобольного перевозить в ночное время, если только не требуется экстраординарного вмешательства для спасения жизни».
Журналисты попросили прокомментировать ситуацию и главного врача наркодиспансера Дмитрия Кургака:
– Пациент Прасол действительно поступил к нам 9 марта поздно вечером. Очень жаль, что молодой человек умер. Надеюсь, что профессиональное и объективное расследование этого дела позволит установить истинную причину смерти. Но я попрошу вас связаться с заведующей отделением Лисневской, которая сможет более подробно рассказать, что произошло.
Надо признать, лишь со второй попытки редакции удалось разговорить Ирину Лисневскую. Ирина Валентиновна сразу же отказалась объяснить мотивацию врачей горбольницы
№ 2, которые перевели в наркодиспансер Александра Прасола. Действия же своих подчиненных оценила положительно. С ее слов, «принимавший больного врач, скорее всего, прислушался к мнению коллеги, доставившего пациента, предположительно с диагнозом «алкогольный гепатит» с проявлениями «алкогольного психоза». Александр Прасол действительно был в тяжелейшем состоянии. Ему тут же была поставлена капельница. При этом надо учитывать, что время, когда больного привезли, было позднее, а это значит, что все анализы у него могли быть взяты лишь утром. А уже на следующий день, 11 марта, врачам диспансера пришлось спасать больного, и вопрос, отчего он оказался в стенах их диспансера был где-то уже на последнем месте».
Комментирует случившееся Марина Терентьева, балетмейстер драмтеатра: «Саша был госпитализирован в горбольницу
№ 2 с подозрением на пневмонию. Но спустя три дня, не проведя медицинского обследования, не установив точного диагноза, его отправили в наркодиспансер с подозрением на «алкогольный психоз». Все дни, что Саша лежал в больнице № 2, которую в народе называют «крематорий», родственников с трудом пускали к нему в палату. И пока он был в состоянии говорить, он умолял всех нас, чтобы мы его забрали, т.к. ему не было назначено никакого лечения, анализов у него не брали. Лишь один раз поставили капельницу, затем измерили давление и дали одну таблетку. В течение трех суток нахождения в горбольнице № 2 его состояние ухудшилось до такой степени, что он стал бредить. 12 марта Саши не стало. Когда были похороны, люди возмущались и тут же припоминали печальные истории, связанные именно с этой больницей. Когда его мама и брат обратились к главному врачу больницы Рубан с просьбой выдать медицинскую карту, чтобы узнать, какое лечение все же было проведено, им было отказано, со ссылкой на то, что по закону такая справка готовится в течение 30 дней. Я

могу только предположить, что за 30 дней в медицинской карте можно написать что угодно, или как угодно переписать ее».
О смерти своего сына рассказывает Валентина Ивановна Прасол: «Накануне праздника 8-е Марта Саше стало плохо. Он жаловался на общую усталость, тошноту, боли в желудке, недомогание. Ему показалось, что он отравился. А так как в возрасте 16-17 лет он переболел гепатитом «А», то я стала уговаривать его обратиться к врачу. 5 марта у него повысилась температура, открылась рвота. При этом он все время пил минеральную воду. 6 марта у Саши отказали ноги, и он не смог встать с постели. Я снова стала уговаривать его поехать в больницу, но он сослался на то, что его ждут на работе. А 7 марта мы вынуждены были вызвать «скорую помощь». Приехавший врач «неотложки» его не прослушала, просто померила температуру и тут же предложила госпитализацию. В направлении написала «двусторонняя пневмония» и поставила знак вопроса. Сына привезли в городскую больницу
№ 2. Сами понимаете,
7 марта ни одного врача, кроме дежурного. Ему поставили капельницу, а нас попросили уйти. 8 марта я приехала в больницу, но вид у Саши был очень плохой. На вопрос: какое назначено лечение, он мне лично сказал, что пока никакого. Получается, 7 марта ему поставили капельницу, 8 марта измерили давление и дали одну таблетку, а к вечеру того же дня сын позвонил и сказал, что ему очень плохо. Утром 9 марта я примчалась в больницу и стала просить врача сделать хоть что-нибудь. Но, по-видимому, так ничего и не было сделано. Этому помешали выходные дни. Поздно вечером этого же дня мне позвонила медсестра и попросила приехать. Я мчусь в больницу, а его уже везли в наркодиспансер. Я была возмущена таким отношением врачей. Мне пришлось возвращаться через весь город в диспансер, а время было за полночь. Понятно, что нас никто к нему не пустил. Рано утром 10 марта я уже была в диспансере, где медики мне сказали, что Саша не их больной, и зачем его сюда привезли, они не понимают. По их словам, ему в больнице № 2 неверно был поставлен диагноз. А у Саши уже начался бред, пошел отек мозга, он не приходил в сознание, и я понимала, что теряю сына. Самое ужасное в тот момент, что ты понимаешь, что не можешь достучаться до врачей. Они тебя не слышат. Я до сих пор не могу понять, как можно было заставлять его ходить, если ноги у него не слушались, он с трудом передвигался и при этом испытывал сильные боли. Как можно было перевозить из одной больницы в другую человека, теряющего сознание? Это бесчеловечно. И кто из врачей решил, что у него началась «белая горячка», если он трое суток пролежал у них, не получая лечения, при этом об употреблении алкоголя и речи не могло быть. 12 марта в 19.20 Саша умер».
Подытожим все, что нам удалось узнать.
Во 2-ой горбольнице к дежурству в отделении терапии привлекают явно непрофильных врачей (невропатологов). Почему бы туда не присовокупить дерматологов и стоматологов. По признаку, например, рифмовки слов.
При поступлении больного в выходные и праздничные дни в больнице некому брать анализы. А если случай срочный, требующий безотлагательного решения?
Дежурный, непрофильный врач, столкнувшись с нестандартной ситуацией, не консультируется с профильным врачом.
Заведующая отделением терапии, не проведя детального осмотра тяжело больного пациента, руководствуясь своими профессиональными, скорее ощущениями, нежели знаниями выносит ошибочное решение, стоившее в конечном итоге, по нашему мнению,

жизни Александру Прасолу.
Убеждены, будет справедливо, если госпожа Рубан, главный врач 2-ой городской больницы добровольно сложит с себя многотрудные обязанности главного врача. Они (обязанности) ей явно не по плечу.
Мы также считаем, что заведующая отделением терапии госпожа Адамова должна предстать перед судом.
Должен понести наказание и врач наркологического диспансера, неправильно определивший диагноз у поступившего больного.
Понимаем, что корпоративная солидарность, а точнее, корпоративная порука, позволяет врачам быть профессионально плохо подготовленными для лечения людей. Стимулирует посредственность, серость, отсутствие желания к профессиональному совершенству. Мы понимаем, врач, по вине которого умирает пациент, не имеет умысла на убийство. Но от этого умершему и его родственникам не легче. Инструментом преступления подобного эскулапа становится его незнание, либо гипертрофированное самомнение. Его идеология – цинизм и пренебрежение к чужой жизни.
Разорвать порочный круг преступной медицинской круговой поруки на Камчатке попытались с помощью самих же медиков. Напомним, совсем недавно известный детский врач, председатель Российской Общественной медицинской палаты Леонид Рошаль приезжал на Камчатку с целью создания Общественной медицинской палаты Камчатского края, в первую очередь, для беспристрастной экспертизы и оценки случаев, связанных с врачебными ошибками.
Мы дозвонились до него, проинформировали о случившемся, и вот что услышали: «Для того чтобы исключить корпоративность врачей, необходимо в самые короткие сроки создать на Камчатке Общественную медицинскую палату. Что касается смерти молодого человека, то я созвонюсь с вашим министерством и попрошу, чтобы это дело взяли на контроль. И если это врачебная ошибка, то должны быть сделаны соответствующие оргвыводы. Нам всем надо научиться защищать права пациентов на квалифицированную надлежащую медицинскую помощь. Вера во врачей не должна быть верой отчаяния, необходимо ее подкрепление не только качественными действиями врачей, но и отсутствием невежества, недобросовестности. Пациент не должен превращаться в объект, на котором можно ошибиться. Врач должен стремиться к снижению риска возникновения ошибок в своей практической деятельности и не забывать, что он несет уголовную, административную и гражданско-правовую ответственность, а медицинское учреждение, в котором врач работает – административную и гражданско-правовую».
Наша газета готова подписаться под каждым словом уважаемого врача. К сожалению, до Вячеслава Волкова, представителя Леонида Рошаля на Камчатке, дозвониться не получилось. У него был отключен телефон. Зато нам удалось связаться с членом инициативной группы Владимиром Речкаловым, готовящим проект Устава Камчатской Общественной медицинской палаты. Мы попросили его предоставить нам проект Устава, что тот и сделал. Ошибается тот, кто думает, что в предоставленном проекте главной задачей является защита прав пациентов от непрофессиональных действий врачей (т.е. врачебной ошибки). Процитируем лишь один абзац из проекта – п. 2 «Цели и задачи Палаты», подпункт 2.1. «Цель деятельности Палаты. Реализация и защита профессиональных прав медицинских и фармацевтических работников, развитие медицинской и фармацевтической деятельности, содействие научным исследованиям,

решение иных, не связанных с профессиональной деятельностью медицинских и фармацевтических работников, вопросов». И ни слова о пациентах, о защите их прав от врачебной ошибки, а также об ответственности врачей за свои ошибки. Лишь в п. 2.2.2. читаем: «Решение вопросов, связанных с нарушением норм и правил в сфере охраны здоровья». Но этот пункт, к сожалению, ничего не раскрывает о взаимоотношениях между пациентами и врачами.
Комментарии, как говорится, излишни.
Александра Прасола похоронили на новом кладбище. На похоронах были почти все артисты театра. На его могиле не было громких речей. Этим горю не поможешь. Жаль, что из жизни ушел яркий талантливый артист, хороший и светлый человек. Жаль, что он ушел так рано. Жаль…

Вячеслав СКАЛАЦКИЙ.
Нелли БЕРЕЗИНА.

Редакция выражает соболезнования родным и близким покойного.